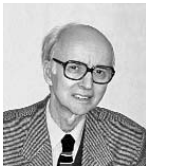

Олег Яницкий: «Нужна новая концепция социальной среды, соответствующая информационному обществу...»

Экологическое измерение является важнейшей характеристикой социально ответственной среды. Последние десятилетия отмечены кардинальным поворотом в отношении к экологической и ресурсосберегающей проблематике внутри профессии. Во всем мире – за исключением России. Об этом мы беседуем с архитектором по образованию, известным российским социологом, профессором Олегом Николаевичем Яницким.

– В архитектурно-градостроительной сфере экологическая проблематика завоевала права гражданства в 1970-е гг., с небольшим интервалом запаздывания по отношению к западной практике. До 1980-х гг. процесс экологизации профессионального сознания шел по нарастающей, что, впрочем, не находило адекватного отражения в практике проектирования и строительства.

О.Яницкий. Как социолог должен разделить проблему «не отражения» на две. Одна – это собственно социально-экологическая, то есть жизнь территориальных и иных человеческих сообществ, которая в СССР существовала, но была чрезвычайно ограничена рамками коммунистической идеологии. Другая – это «город и природа», «город и ландшафт», где Запад нас действительно обгонял, что я могу подтвердить как участник программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» в 1970–90-х гг. Что касается экологизации профессионального сознания, то я сильно сомневаюсь, что «оно шло по нарастающей». При существовавшей тогда идеологии гигантизма, «великих строек», бумажного проектирования, когда градостроитель проектировал целые города, практически не выезжая на место, и т.п., очень трудно было это сознание «экологизировать». Корпоративные правила меняются очень нелегко и медленно.

– В 1990-е гг. казалось, что вот-вот произойдет легитимизация социально-экологической тенденции, в том числе в профессиональной сфере. Все произошло с точностью до наоборот: так, в Московском регионе система ЛПЗП, «зеленых клиньев», выпестованная генпланами 1935 и 1971 гг., безвозвратно разрушена, на многократное превышение ПДК – что в почве, что в воздухе – особо никто внимания не обращает, О.Митволь в глазах многих предстает городским сумасшедшим и т.п. При том что на Западе подобного отката не наблюдается.

О.Я. Дикий капитализм, или, более мягко, «эпоха первоначального накопления», всегда так начинались – что в Европе, что в США. Так что удивляться здесь нечему. «Легитимизация» происходит только тогда, когда созреет все остальное и, прежде всего, будет сформулирована внятная экологическая политика, созданы реализующие ее институты, но главное – изменится отношение к природе. «Первоначальное накопление» тем и характерно, что из «старого» используется только то, что может немедленно принести прибыль, а остальное превращается в мусор, в отходы, выбрасывается за забор. Я имел возможность сравнивать низовую экологическую политику в городах Великобритании и СССР в конце 1980-х гг. Тогда экологическое движение в нашей стране сделало почти невозможное: оно приблизило наше мышление к европейскому, но потом жажда немедленной наживы победила все. Сегодня политика Европейского Союза имеет три стратегических приоритета: экономика, энергетика и экология. Знаменитые три «э». А что у нас?

– Для россиян (архитекторы – не исключение) присуще отношение к природе – к тому же Байкалу – как к бесконечному ресурсу. Вы в своих книгах и статьях обосновываете наше приближение к последней черте – в данном случае экологической. Два десятилетия тому назад об этом же говорил академик Н.Н.Моисеев. Быть может, такое бездумное расточительство в отечественных условиях неискоренимо?

О.Я. Пока мы будем строить только «общество безудержного потребления», это будет так. Двадцать лет назад архитекторы не экономили наши земли. Сегодня они не экономят остатки садов и парков или, хуже, – строят особняки для богатых на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Но архитекторы – лишь исполнители. Весь мир говорит, что после кризиса все должны будут жить по-другому. Хотелось бы надеяться. Но есть объективные показатели: продолжительность жизни и т.д. Есть, наконец, эффект бумеранга. Перенасыщенная экологическими рисками среда начинает изживать человека, одновременно при этом увеличивая нагрузку на здравоохранение, социальные службы, государственный бюджет.

– В докризисные годы в отношении Москвы озвучивались алармистские – если не апокалиптические – сценарии. В настоящий момент появились, хотелось бы думать, статистически достоверные данные относительно сокращения объема метроперевозок, наблюдатели фиксируют факты оттока мигрантов и относительной нормализации транспортной ситуации, возможно, за этим последуют позитивные экологические подвижки. Можно считать это одним из немногих положительных последствий разразившегося кризиса?

О.Я. Я такими данными не располагаю. Наведение порядка необходимо, через год-два Москва «встанет», так как все ее магистрали будут одной сплошной пробкой. Но у этой проблемы есть решение (конечно, не единственное): замещение передвижения людей и транспорта перемещением информации. Профессор Л.Б.Коган и я писали об этом еще сорок лет назад. Тогда нас считали фантазерами, утопистами. Но жизнь показала нашу правоту. Да, миграцию нужно квотировать, автопром поддерживать, чтобы люди не умерли с голоду. Но пока потребление предметов (личный автомобиль) будет престижнее знания, работы с информацией, мало что изменится. Мы критически отстаем от постиндустриального мира.

– На Западе экология стала неотъемлемой составляющей общественного сознания, в том числе в его профессиональном сегменте. В то же время и у них наблюдаются диковинные разрывы. К примеру, как можно объяснить, с одной стороны, безусловную профессиональную значимость – вплоть до общенационального звучания – присвоения новостройкам сертификата LEED, а с другой – отказ от подписания Киотского протокола? Речь идет об одной и той же стране – Соединенных Штатах.

О.Я. Никогда не ищите там идеала. Потому что и там значительная часть производства и занятых связана с потребительской идеологией и его детищем – сервис-сектором. Вот одна из последних «новинок» этой идеологии: заплатите 49 евро в специальную фирму, которая за вас посадит дерево, и спите спокойно – вы выполнили свой «экологический» долг! Да, в США есть «мертвые» в природном отношении зоны, съеденные капитализмом, а есть штат Аляска, где значительная часть собственности – общественная. И природа там сохраняется и охраняется.

– В одной из ваших недавних работ – в книге «Экологическое мышление эпохи «великого переделал» (М., РОССПЭН, 2008) – вы замечаете, что революции и устойчивое развитие, в том числе разумное (неистощительное) природопользование, несовместимы. Но ведь в нелинейных системах, к каковым относится общество, чередование каналов эволюции и точек бифуркации – это норма? Иначе говоря, революции, одну из которых мы переживаем в настоящий момент, является исторически обусловленным этапом развития – ничего не остается делать, как приспосабливаться и минимизировать негативные последствия, в том числе и в экологической сфере?

О.Я. На мой взгляд, ключевая проблема современной России – это качественная реструктуризация социально освоенного пространства страны. Она уже идет во всех трех сферах: биосферном, социотехническом и виртуальном.

Типологически, основой первого «пространства» является территориально закрепленный ландшафт, встроенный в биосферу Земли. Этот ландшафт имеет определенную конфигурацию, размеры и несущую способность или предел интенсивного использования, превышение которого превращает его из источника благ в источник рисков. «Ландшафт» требует бассейновой организации социально-экономических процессов. В течение веков такими главными ресурсами российского «ландшафта» были плодородная земля, леса и водные артерии. Сегодня таким ресурсом все более становятся водные ресурсы и полезные ископаемые.

Основой второго, социотехнического пространства являются человеческие поселения, которые практически не имеют ни территориальных ограничений, ни пределов интенсивности их использования. Примером первого является строительство на польдерных землях в Голландии и Японии, а второго – Гонконг. Это – социально, экономически и технологически эффективный ландшафт, вмещающий столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требует экономика. Этот ландшафт практически не зависим от локальных условий, поскольку снабжается ресурсами извне и способен поставлять продукцию далеко за пределами данного локуса. В пределе это – целиком сконструированный искусственный ландшафт, функционирующий прежде всего в интересах государства и общества в целом. Пример: транснациональная разветвленная система транспортировки углеводородов. Для модернизации российских регионов этот техногенный ландшафт абсолютно необходим, но создает риски для культуры и способов хозяйствования местных человеческих сообществ, особенно для коренных малочисленных народов и поддерживающих их экосистем.

Третьим пространством является всемирная паутина информации и производства знаний как ресурса настоящего и будущего. Она практически делокализована, хотя имеет пространственно фиксированные «точки опоры». Это – ведущая в мире «отрасль» производства, детерминирующая развитие двух предыдущих. Она также структурирована, имеет свои узлы и сети, свою плотность жизни, но в отличие от первых двух она фиксирована территориально лишь в нескольких точках, причем эти точки легко «отрываются» от земной привязки. Я называю его виртуальным поточным пространством.

– Редакцией «АВ» темой года выбрана «Социальная ответственность архитектора / Социально ответственная среда». Какой вам представляется ее социально-экологическая проекция – идеальная и реальная?

О.Я. Архитектор ментально и практически встроен в социальную среду (она же экономическая, политическая и культурная). Пока что наше градостроительное и экологическое законодательство не стимулирует его к «социально ответственному» профессиональному поведению. Я имею в виду его гражданскую ответственность, работу на общее благо, а не на корпорацию или на индивидуального бизнесмена. За прошедшие двадцать лет уже сколько раз мы упирались в тупик, и только потом начинали искать «социально-ответственный» выход. Надеюсь, что нынешний кризис просто заставит нас искать более экологичные решения – не только сиюминутные, но и стратегические. А чтобы среда была «социально ответственной», она, с одной стороны, должна быть наделена соответствующими правами, а с другой, – нести ответственность за свои поступки. Что при растущей подвижности всего и все отследить будет нелегко. Поэтому закончу снова призывом к теоретикам пространства: нужна новая концепция социальной среды, соответствующая реалиям «информационного общества». Мы – уже внутри него, и никуда нам от этого не деться.